18+
Старинные миньятюры
Я. Казимиров

Александр Казимиров

Старинные миньятюры

«Издательские решения»

Казимиров А.

Старинные миньятюры / А. Казимиров — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-854576-4

Дорогие читатели, есть книги интересные, а есть — очень интересные.
К какому разряду отнести «Старинные миньятюры» — решать Вам!
Отличный образец, сочетающий в себе необычную пропорцию чувственности, реалистичности и сказочности. Динамичный и живой язык повествования с невероятной скоростью приводит к финалу и удивляет непредсказуемой развязкой.

ISBN 978-5-44-854576-4

© Казимиров А.
© Издательские решения

Содержание

Пыль 6
Звуковое ружье 9
Диалог 11
Старинная миньятюра 14
Конец ознакомительного фрагмента. 16

Старинные миньятюры

Александр Казимиров

© Александр Казимиров, 2017

ISBN 978-5-4485-4576-4
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пыль

На открытой всем ветрам веранде отдыхала Пелагея Ильинична Богомазова. Старуха попивала чай, ковыряясь ложечкой в розетке с вареньем. Она клала в рот пропитанную сиропом ягоду и причмокивала сморщенными, потерявшими цвет губами. Неторопливо перекатывая вишенку во рту, помещица деснами выдавливала сочную мякоть. От наслаждения глаза закрывались сами собой. Косточки пирамидальной горкой возвышались в фарфоровом блюдце. За чаепитием Богомазова разговаривала с Фердинандом.

Вышколенный за многие годы лакей стоял чуть согнувшись. Лысоватый, с пышными седыми бакенбардами, он походил на плешивого пуделя. При беседе Фердинанд изображал на лице крайнюю степень сосредоточенности. Если хозяйка задавала вопрос, он вздергивал вверх лохматые брови. Прежде чем ответить, выдерживал паузу. Казалось, что он вот-вот высунет длинный розовый язык, облизнется и залает.

Богомазовой нравилось болтать с Фердинандом. За свою жизнь она прочла множество романов, но вот беда – дочитывая книгу до конца, Пелагея Ильинична напрочь забывала, о чем шла речь в начале. В ее голове смешались все герои и сюжеты. Старуха не могла понять, зачем Ромео отпустил синюю бороду, и за какие грехи венецианский мавр задушил Джульетту. Богомазовой казалось, что большинство книг написано запутанным слогом, поэтому проще было узнавать все у Фердинанда. Тот пользовался расположением хозяйки, читал много и знал исключительно все. А то, что не знал, сочинял на ходу, выдавая в виде предположений.

Вот и на этот раз Пелагея Ильинична отставила в сторону чашку, провела по столу пальцем. На лакированной поверхности остался след. Она вопросительно посмотрела на слугу.

– Откуда пыль, Фердинанд?

Камердинер приложил к губам кулак, прокашлялся.

– Из космоса, матушка, из космоса! – в подтверждение слов, он важно надул губы. – Вся грязь оттуда на землю сыпется. Не то Вольтер, не то кто-то другой писал, будто бы Земля от этого тяжелеет на десяток пудов в год. Есть вероятность того, что наступит момент, когда масса планеты станет настолько велика, что Земля преодолеет притяжение Солнца, соскочит с орбиты и улетит неизвестно куда.

От такой новости старуха остолбенела. Челюсть ее отвисла и напоминала вход в пещеру, где с потолка свисали два пожелтевших сталактита.

– Tout pass, tout casse, tout lasse[1]. Что же, Фердинанд, Земля улетит, а Солнце останется на месте? Выходит, мы будем жить в кромешной тьме? Надо свечей да масла лампадного прикупить.

Чаевничать расхотелось. Старуха тяжело поднялась и направилась в свои покои, обреченно шаркая башмачками. В комнате она тщательно осмотрела мебель, книжные полки и все, что находилось вокруг. Звон колокольчика вылепил из воздуха Фердинанда. Ожидая указания слуга замер в позе вопросительного знака.

– Накажи девкам, чтобы уборку сделали. Совсем распустились, окаянные. Да пусть двор выметут, – старуха ударила по подушке и чихнула. – Господи, кругом космическая пыль!

Фердинанд исчез так же незаметно, как и появился. Усадьба ожила. Пока прислуга металась по дому, мыла, скребла и вычищала углы, Богомазова размышляла о том, как пыль сначала засыплет соседей, потом – губернию, а следом – и Санкт-Петербург. Отяжелевшая Земля сорвется и полетит к Большой Медведице. Других созвездий старуха попросту не знала. Все живое погибнет, как при всемирном потопе. Повсюду воцарятся хаос, пыль и мрак. Благодаря предусмотрительности, спасется лишь ее имение. Подобно Ноеву ковчегу, оно примет импе-

[1] Ничто не вечно под луной

ратора Всея Руси с детьми и супругой. Они поселятся во флигеле на правах квартирантов. Выражая признательность за чудесное спасение, государь будет прислуживать вместе с Фердинандом, рассказывать забавные истории и колоть дрова. В конце концов, Земля подыщет себе новое светило, и все вернется на круги своя. А если не найдет – то есть Луна, которая светит не так ярко, как Солнце, но все же светит, черт ее подери!

Сладко шумели листвой коренастые дубы, где-то посвистывала не подозревающая о грозящей катастрофе иволга. Вокруг было так покойно и хорошо, что старуха вздремнула. Во сне она вздрагивала и бубнила. Возможно, губы просто тряслись от храпа.

Сны Пелагея Ильинична забывала сразу после пробуждения. Казалось ей, что все люди спросонья ничего не помнят. Поэтому очень удивлялась, когда кто-то из знакомых рассказывал ночные видения и пытался с помощью сонника растолковать их.

Лакей кашлянул громче обычного. Помещица открыла подернутые дымкой глаза и какое-то время соображала, что происходит. Затем поправила сбившийся чепчик, одернула на груди платье.

– Что, царь уже приехал?

Не зная, что ответить, Фердинанд развел руки. Он с удивлением таращился на хозяйку и пытался сообразить: в своем ли она уме или пора ехать за доктором? Богомазова зевнула.

– Во сне привиделось, будто царь в гости пожаловал. Первый раз в жизни сон запомнила – и сразу такое. К чему бы это?

Вопрос застал Фердинанда врасплох. Он вытянул руки по швам, стал переминаться, двигать бровями. Уподобившись библейскому пророку Даниилу, пришел к заключению:

– Это к добру, матушка. Сдается мне, царь снится к благодати. Сами подумайте: ну зачем ему ехать в такую глухомань? Только для того, чтобы выразить вам свое почтение?!

Успокоившись, старуха распорядилась накрывать на стол.

– Je creve de faim![2]

Изредка в жизни происходят настолько непостижимые совпадения, что у человека возникает впечатление, что это уже было, или Господь заранее предсказал то, что должно произойти. Как бы там ни было, но в тот самый год, когда Богомазовой приснился чудный сон, на царя накатила блажь – прокатиться по Руси, посмотреть, что и как, а заодно развеять терзавшую его меланхолию.

Холодным костром полыхала осень. Багрово-золотые кроны деревьев купались в чистой синеве неба. Промокшие насквозь травы клонились к земле, а воздух, обкуренный туманом, бодрил. Окруженный свитой государь любовался проплывающими за окном кареты пейзажами, дымил трубкой и устраивал короткие привалы среди бескрайних полей и перелесков; ночевать останавливался в первой подвернувшейся на пути усадьбе и наблюдал за впечатлением, оказанным на хозяина. Не ожидавшие визита царя помещики не знали, чем потчевать высокого гостя, где постелить, и стоит ли подкладывать ему под бок горячую девку, чтобы тот не замерз осенней ночью. Император по-свойски хлопал хозяина по плечу, вел себя на равных и не требовал невозможного. Поутру экипаж продолжал путь, оставляя владельцу усадьбы воспоминания до конца жизни.

Затягивая окна пленкой из воды, в сумерках сыпал мелкий дождь. Он рисовал на лужах круги и раскачивал тонкие ветви рябины. Пелагея Ильинична клевала носом, когда Фердинанд ворвался в комнату и простуженным вороном каркнул:

– Царь приехал!

Огонь на свечах дрогнул. Богомазова не успела подняться, как перед ней в дорожном плаще предстал самодержец Всероссийский Александр Павлович. Старуха как-то по-свойски спросила:

---

[2] Я умираю от голода!

– Неужели уже засыпало?

Царь ничего не понял и переглянулся с офицерами из эскорта.

– Кого засыпало, бабушка?

– Санкт-Петербург и всю Россию! А иначе, чего бы это вы ко мне пожаловали? – Пелагея Ильинична придирчиво осмотрела царскую свиту. – Вам, батюшка, я флигель выделю, а этих дармоедов содержать не собираюсь!

Она повернулась к Фердинанду. От испуга лицо лакея вытянулось, подбородок ходил ходуном, и его стоило бы подвязать, чтобы ненароком не отвалился.

– Ну, чего трясешься? Распорядись, чтоб стол накрыли, да знакомься с царем. Будете вместе за мной ухаживать! – Богомазова накинула на плечи шаль, ни на кого не глядя, прошла мимо потерявшего дар речи государя.

Ужин при свечах напоминал поминки. Не ожидая такого приема, император вяло ковырялся в тарелке. Разговор не клеился. Выпитое вино разрядило обстановку, развязало языки.

– А с чего, матушка, вы взяли, что нас пылью засыплет? Осень на дворе, дожди!

Богомазова не собиралась отступать. С видом здравомыслящей старушки она поведала, сколько пыли высыпают на землю жернова вселенной. В мельчайших подробностях нарисовала страшную картину и подвела неутешительный итог:

– Если в этом году не завалит, так в будущем – обязательно! Я вам точно говорю, – сославшись на усталость, она ушла к себе.

Странный разговор о том, что все рано или поздно погибнет, не давал заснуть. Перед глазами императора предстал огромный город с домами, по самые крыши занесенными пылью. На карнизах сидели жители, а сверху беспрерывно сыпалась космическая мука. Женщины прятались под зонтами, но это не помогало. Пыль забивалась в уши, нос, мешала дышать. Самые отчаянные граждане, желая избежать мучительной смерти, стрелялись. Кое-кто прыгал с крыш. Серое облачко взмывало к небу и хоронило смельчаков под собой. Отовсюду слышались плач и молитвы. «Если я не могу спасти свой народ, то на кой черт мне дана власть? Срам-то какой: Рассею при живом царе пылью замело! Отрекаться пора. Пусть следующий император с космосом воюет». Обглоданная осенью сирень царапала оконное стекло. Незаметно государь уснул.

Александр Павлович поднялся чуть свет. Наскоро попрощавшись с хозяйкой, покинул дом. Что произошло в его сознании после встречи с Пелагеей Ильиничной, сказать сложно. Намерение отречься от престола крепко засело в его разуме. Возможно, на то были другие основания, но отрицать влияние беседы с выжившей из ума помещицей – глупо.

Дальнейшие события и вовсе спутали все карты. Царь добрался до Таганрога, где неожиданно скончался от горячки с воспалением мозга. Его смерть породила в народе массу слухов. Одни уверяли, что он уехал в Киев молиться и жить с Христом в душе. Другие доказывали, что его отравили евреи. Третьи опровергали обе версии. Со знанием дела они утверждали, что императора мучили угрызения совести за соучастие в убийстве отца.

Мало кто располагал информацией, что Александр Павлович после смерти тайно появлялся в усадьбе Богомазовой. Перезимовав у старухи, он ушел в Сибирь. Бывший самодержец удалился от мира и жил под именем старца Федора, молясь о благополучии России.

Звуковое ружье

Неординарный человек, как любая нестандартная вещь, – везде не по размеру, что, в конце концов, утомляет окружающих. Именно таким был Варфоломей Иванович, отпрыск известного в прошлом купца Катышева, упавшего после обильного возлияния с лестницы и разбившегося насмерть. Мечтая изобрести Perpetuum mobile или что-нибудь не менее грандиозное, Варфоломей забросил отцовское дело и спустил все деньги на поездки по заграницам, где изучал совершенно бесполезные для торговых дел науки. Когда финансы иссякли, он вернулся на родину.

Утратив отношения с бывшими друзьями, Катышев вел жизнь тихую и непримечательную. Единственным человеком, с которым он общался, была родная сестра – Варвара Ивановна, проживающая с ним под одной крышей и взвалившая на свои плечи все домашнее хозяйство. Рано овдовевшая, она продала имение мужа-полковника и жила на pension, выплачиваемый государством.

– Ох, Варфоломеюшка, – причитала сестрица, шумно потягивая из блюдечка горячий чай. – Когда за ум возьмешься? Мне уже тридцать пять, скоро ослабну, а за домом следить и тебя обслуживать некому. Ты об этом думал?

– Не ослабнешь! – спокойно отвечал Варфоломей, делая какие-то записи на листе бумаги. – Вот доведу до ума звуковое ружье, запатентую – и деньги рекой потекут. Представляешь, оно вместо пули будет сгустком звука стрелять! Летит себе такой сгусток в оболочке из плазмы, попадает в цель и разрывается внутри. А-а-а, да что тебе объяснять, все равно ничего не поймешь!

– Эхо-хо, – горестно вздыхала Варвара Ивановна, наполняя блюдечко в очередной раз. – Одни бредовые фантазии в твоей голове. Оттого и личная жизнь неустроенна!

Опухшая, перепачканная копотью Луна излучала бледный свет кровавого оттенка. Выдыхая облака дыма, она походила на севшего перекурить истопника, по чьей физиономии прыгали блики огня. Звезды то выныривали, то снова исчезали в омуте ночи. В общем, на небе творилось что-то непонятное и, по всей видимости, скверное. Надо сказать, и на земле все было не совсем гладко: тягостно шумели листвой всклокоченные липы, где-то за заборами истерично рыдала нежданно-негаданно овдовевшая свинья.

Варфоломей вышел во двор. В руках он держал странное приспособление, по виду отдаленно напоминающее самоварную трубу с прикладом. Пристроив штуковину к плечу, изобретатель навел ее на Луну и нажал спусковой крючок. Гулкий выстрел эхом прокатился над крышами и тут же растаял в темноте. Подняли гам испуганные вороны, исступленно залаяли псы. В сонных окнах вспыхнули тусклые огоньки свечей. Покрытый оспинами диск надменно взирал на изобретателя и безмолвно вопрошал: «Ну что, дурень, убедился в собственной глупости?» Разочарованный отсутствием какого-либо результата Варфоломей чертыхнулся; сморщив лоб, зашел в дом и погрузился в раздумья: «Вроде бы все рассчитал правильно, ошибки быть не должно. Почему же нет никакого эффекта?» – с этими мыслями он брякнулся на кровать и постарался уснуть.

Ни с того ни с сего началась жуткая гроза. Казалось, будто ангелы войны собирались сойти на землю и оповещали о своем гнусном намерении. Но что-то не сложилось. Гроза кончилась так же внезапно, как и началась. Ни молний, ни грома, ни дождя, ни ветра. Уши Варфоломея заложило от навалившейся тишины. Душа успокоилась. Он повернулся набок и мгновенно уснул.

Семен Евграфович Сытин, преподаватель физики и астрономии в земской гимназии, наблюдал в собственноручно собранный телескоп за ночным небом. Мерцание далеких планет, кои простые обыватели называют звездами, будоражило сознание учителя, навевало мысли

о бесконечности Вселенной. «Светит звезда, и люди принимают это как должное, не догадываясь, что небесное тело давно погасло, а его лучи только достигли Земли», – рассуждал Сытин, любуясь недоступными мирами. Собираясь покинуть чердак, приспособленный под обсерваторию, он обратил внимание на странное явление: над поверхностью луны поднималось пыльное облако, возникшее, по всей видимости, от столкновения с крупным метеоритом. «Вот так штука! Я стал очевидцем небольшой космической катастрофы. Сейчас же отпишу в академию наук о своем наблюдении, – потирая руки, Сытин представил, как кратер назовут его именем. – Возможно, мне присвоят ученую степень и вручат орден!»

Пьяные братья Алтанай и Хурукучон с трудом добрались до чума. Забравшись внутрь, они улеглись на оленьи шкуры. Поболтав о гостеприимных русских, от души напоивших их водкой, эвенки решили отблагодарить их рыбой и мясом. Алкоголь усыпляюще действовал на мозги, и вскоре чум содрогнулся от храпа. Разбудил братьев сильный свист, донесшийся непонятно откуда. Ничего не понимая, Алтанай испуганно посмотрел на Хурукучона.

– Никак, лесной дух в гости пожаловал. Спасаться надо!

Не успел он договорить, как ветер смел убогое жилище братьев. Яркая вспышка ослепила эвенков, и ужасный грохот потряс землю. Раскаленное дыхание стихии пронеслось по тайге. Словно щепки ломая высокие сосны, невидимая сила испепеляла на них хвою. Вспыхнул ягель. Густые клубы дыма устремились вверх и заволокли небо. С ужасом взирая на конец света, Хурукучон схватил обезумевшего брата за шиворот и потащил к реке. Бросившись в холодные воды, эвенки готовились к смерти. Но жар постепенно сошел на нет, оставив после себя уничтоженный лес и всполохи над горизонтом.

– Слышал, что в Сибири случилось? – Варвара Ивановна сунула под нос брата газету. – Читай! Огромный булыжник с неба упал. Много шума наделал, тайгу испепелил; люди пострадали.

Ознакомившись с заметкой, Варфоломей заперся в кабинете. «Значит, все-таки сработало! Я знал, что расчеты верны! Вот только последствия эксперимента не смог предвидеть!» – он поднялся с дивана и направился в кладовую. Размотав мешковину, извлек звуковое ружье и со всего маху треснул по нему топором. Уничтожив доказательство своей причастности к трагедии, Катышев больше никогда не занимался изобретательством.

Семена Евграфовича Сытина вызвали в Санкт-Петербург, где взяли подписку о неразглашении тайны. Вручив скромную премию, астронома-любителя отправили обратно. Сытин так и не догадался, что стал единственным очевидцем рождения тунгусского метеорита.

Диалог

Косолапый танцор неуклюже переваливался, притуплял внимание толпы. Пока восторженные ротозеи хлопали в ладоши, хозяева медведя потрошили их сумки и карманы. Обобрав один населенный пункт, табор срывался с места. Мелкое воровство приносило прибыль, но незначительную. Престижным промыслом считалась кража коней. Под руководством Забара этим ремеслом занимались страдающие зооклептоманией люди. Поговаривали, что опытный Забар знал о лошадях все и даже понимал их язык.

Цыганский обоз бусами рассыпался по дороге. Поднимая клубы пыли, он увозил кочевников в ничего не обещающую даль. Под плач гитары над залатанными кибитками парила грусть. На глазах соловья-разбойника навернулась слеза и скатилась в отравленные никотином усы.

Солнце тем временем пряталось за черные кроны, тускнеющим заревом призывая цыган к ночлегу.

Пожирая дрова, костер швырял ввысь конфетти искр. В отблесках танцующего пламени из мглы появилось чумазое лицо Шандора. Мальчишка протянул к огню руки.

– О чем думаешь, сынок? – спросил старый Забар.

– Слышал я, что коня можно научить чтению, так ли это?

– Можно, мальчик мой! Если перед тем, как накормить Бельведера, ты будешь тыкать его мордой в табличку с надписью «Овес», то он запомнит эти буквы и, возможно, даже произнесет их на человеческом языке.

– Интересно, а может он запомнить всю азбуку? – глаза мальчишки вспыхнули любопытством.

– Конечно, даже не сомневайся! Посмотри, какая у коня здоровенная голова. А теперь представь: сколько в ней мозгов. Сдается мне, их гораздо больше, чем у тебя! – Забар набил трубку самосадом, раскурил ее от уголька и пустил клубы пушистого дыма. – Если постараться, то можно научить Бельведера читать стихи! Пушкина, например! Представляешь, какую толпу соберет жеребец, с выражением декламируя: «Я памятник воздвиг себе нерукотворный»? Пока он будет развлекать зевак, ты обчистишь их подчистую. Сплошная выгода!

– Слушай, Забар, а тебе попадались говорящие лошади?

– Нет, сынок! Попугаев видел, а вот с лошадьми – проблема. Но они есть, поверь! Встречался мне в жизни барин, занимался разведением рысаков, так он уверял, что в его конюшне одна кобыла латынь изучила! Да-а-а, умнейшая была, стерва. Все труды Цицерона перечитала! Ее даже на дворянские собрания приглашали, чтобы всякие интересные истории послушать. Самим-то читать лень. Проще от скотины – за ведро овса – все узнать! Хотел я на ту кобылку глянуть, да барин ее в институт пристроил, математику изучать. Желал, шельмец, чтобы она гипотезу Пуанкаре доказала.

– Ну и как, выучилась? – Шандор подсел поближе.

– Нет. Курить со студентами стала и сдохла в расцвете лет! – Забар развалился на мягкой траве.

– Забар, а ты слово «Овес» можешь написать? Хочу попробовать с Бельведером.

– Нет, не могу. Я же не барская лошадь, азбуки не знаю!

В черной вышине мерцала россыпь звезд. Волны широкой реки с плеском набегали на берег, шуршали галькой и удалялись восвояси. Отлитым из олова глазом луна рассматривала невзрачные окрестности и, не найдя ничего интересного, пряталась за ширму облаков. Мир отдыхал. Даже не признающий покоя ветер, потрепав листву, угомонился. Ночь укрыла землю сотканным из тишины и сумрака одеялом; измотанные бессонницей цикады крутили

скрипучую шарманку. Обхватив костлявые ноги, Шандор смотрел, как переливаются рубиновые угли.

– Дядька Забар, а лягушка – это рыба или зверь?

Бубня проклятья, старый цыган приподнял голову.

– Чего не спится тебе, чавалэ? Завтра в дорогу, отдыхай! – он хотел отвернуться, но цыганенок не унимался.

– Так птица или зверушка?

Будто услышав, что разговор идет о них, пучеглазые бестии завели какофонию.

– В соседнем таборе жил чудной цыган Дарвинэ. Когда нормальные люди уводили чужих коней, он лисой шнырял по курятникам и воровал птицу. Надо отдать должное, приносил самых больших курей и называл это естественным отбором. Так вот, любопытству Дарвинэ не было предела. Его постоянно терзал вопрос: почему одни куры кудахтали, другие крякали, а третьи гоготали. Рассматривая добычу, Дарвинэ пришел к выводу: всякая живая тварь изменяется в зависимости от среды обитания, в которую она попала. Теперь о лягушках! – Забар зевнул. – Шандор, ты слышал, чтобы рыбы издавали звуки?

– Нет, рома, не слышал!

– Значит, лягушка – не рыба! Послушай, как они поют! Загляни ей в пасть, есть ли там острые зубы?

– Нет там никаких зубов!

– У всех зверей есть зубы, иначе они умрут от голода! Значит, она не зверь! Остается одно: лягушка – это птица!

– А почему она не летает, Забар?

– Она пытается. Разве ты не видел, как далеко и высоко лягушка прыгает? Просто, она находится в стадии развития: переходный период! Удали ее от водоема – и она со временем оперится и полетит!

– Так значит, птицы произошли от лягушек?

– Выходит так, и не только птицы!

– Кто же еще, Забар?

– Послушай, как поет старая Лэйла. Она не поет, а квакает! Видимо, у Господа не хватило перьев, и он нарядил ее в платье.

– Зачем ты так о моей матери?

– Так и ты на орла не похож, лягушонок!

Считая разговор законченным, Забар ужом свернулся возле остывающих углей.

Всхлипывая на ухабах, катились цыганские кибитки. В одной из них Шандор донимал вопросами старого Забара.

– Забар, а на Луне цыгане живут?

– Пока нет, мой мальчик! Был такой цыган Коста Циолковский, мечтал туда слетать, посмотреть, что там, да как. Но вот беда: без коня он лететь не хотел, а жеребец в ракету не помещался. Да и фураж негде было хранить. И еще одна причина не позволяла ему совершить полет: на Луне украсть нечего! Я вчера смотрел на нее сквозь моноклю, пустая она. Ни табунов, ни людей. Один луноход в кратере валяется, да и тот сломанный.

– Выходит, бесполезная планета?

– Не совсем. Американские цыгане летали туда. Хотели выяснить, есть ли там жизнь. Попрыгали по поверхности, собрали какие-то булыжники и обратно вернулись. Без лошадей-то далеко не уедешь, а вблизи корабля они ничего не обнаружили. Ходят слухи, будто китайцы хотят ее рисом засеять. Многочисленный у них табор. Продовольственную программу решать надо, а то жрут всякую дрянь, аж пожелтели, бедолаги! Гепатит у них от нездорового питания.

– Дядька Забар, а как же они рис оттуда переправлять будут?

– А так и будут! Чего же здесь сложного? Брось камень в небо, он все равно на землю упадет. Так и мешки с рисом сами свалятся.

Забар неторопливо набил трубку, посмотрел на облака, ползущие к горизонту.

– Слушай, Забар, я тоже хочу по Луне походить! – Шандор мечтательно закрыл глаза.

– Остановимся возле Байконура, я тебя привяжу к ракете, и ты полетишь, мой мальчик. Вот только не знаю, как лепешки в тюбик из-под зубной пасты запихать? Все космические цыгане из них едят. Обычай такой, от предков остался! Если повезет, то и коня твоего пристроим. Как прилетишь на Луну, рукой помаши! Пусть Лэйла за тебя порадуется!

Довольный Шандор лег на ворох тряпья. Мечтая о предстоящем полете, он задремал. В кудрявой голове мальчугана гуляли диковинные сны. Они порождали кучу вопросов, которые предстояло задать старому, мудрому Забару.

Старинная миньятюра

«Наградил же бог фамилией!» – сокрушался Герман Оттович. Фамилия ему и впрямь досталась деликатная. С расстройства Пенис вздыхал и плевал с балкона на головы прохожим. Попадал, конечно, не всегда, но попадал и радостно потирал ладони. «Всё-таки славно, когда кому-то хуже, чем тебе!» – Удовлетворенный, он уходил в комнату, ложился на диван и в деталях вспоминал приятный момент.

Бабье лето вспыхнуло и сгорело за считанные дни. Погода испортилась. Дождем хоть и не пахло, но он накрапывал. Возможно, это был вовсе не дождь, а пролетевшие мимо цели плевки Германа Оттовича. По улице шныряла одичавшая старушка, раболепно заглядывала в лица прохожих и старалась лизнуть им руку. Прохожие шарахались и отмахивались от старушки ногами. Старушка обиженно скулила, норовила укусить обидчика. Если ей это удавалось, то она громко лаяла. У неё было шикарное сопрано. Пенис с умилением наблюдал за старушкой и капельку ей завидовал – он говорил дискантом.

Герман Оттович считал себя альтруистом, щедро раздавал на паперти заплесневелые сухарики и ликовал, слыша: «Спасибо за щедрость, барин! Чтоб тебя так дети перед смертью кормили!» Вот и сейчас он вздумал проявить благородство, больше похожее на глупость. «Удочерю старушку или даже женюсь на ней, – Герману Оттовичу казалось, что они дополнят друг друга. – Если что, она очень пожалеет! Убивать буду голыми руками, с помутневшим от ревности рассудком и опухшим от любви сердцем, как Отелло Дездемону». Отчего-то вспомнился последний визит в редакцию модного журнала – Пенис пописывал, но все чаще в стол.

Дело близилось к обеду. Редактор «Литературного коллапса» Венера Вагина достала бутерброды. Она уже впилась зубами в мякоть колбасы, когда дверь распахнулась.

– Здравствуйте! – поздоровался Пенис.

– А, господин Пенис! – поперхнулась Вагина и отложила бутерброд. – Никак, шедевр накропали? И опять, поди, на эсперанто? Ен ла мондон венис нова сенто?

– Я футурист* и к эсперанто никакого отношения не имею, – ответил Пенис, протягивая листок.

Словно перед отпеванием, в кабинете повисла тишина. Вагина прокашлялась.

– Винус дустус фон Сальерис, в гробус слегус Амадеус!

Переварив прочтенное, она сказала:

– Кажется, я догадываюсь, о чем вы написали. Но это же тарабарщина!

Пенису хотелось удавить редактора, но удавить изощренно – возвышенной лирикой.

– Это не все! Есть стихотворение о любви.

Герман Оттович положил перед литературным инквизитором новый текст.

– Венерус коитус и, бац – сифилитус!

Читать дальше Вагина не стала; ее губки возмущенно надулись. Одуревшая от сквернословия муха разбила окно и вылетела вон, поднимая взмахами могучих крыльев клубы пыли. Порывом ветра с булочной сорвало вывеску. Та с грохотом сбила с ног и придавила гражданина в замшевых ботинках.

– Чего вы хотите? – не обращая внимания на вопли с улицы, спросила Вагина: – Денег или признания?

– Зачем мне признание? Им сыт не будешь!

Вагина достала кошелек и извлекла из него все содержимое.

– Возьмите, Пенис. Талант за деньги не купишь, я откупаюсь!

Аппетит пропал, надкусанный бутерброд вызывал отвращение и тошноту. Редактор «Литературного коллапса» обхватила голову руками.

Дымка воспоминаний развеялась так же неожиданно, как и появилась.

– Эй, бабушка! – крикнул Пенис, свесившись через кованую оградку. – Иди домой! Домой, говорю, иди, стерва гулящая!

Старушка с радостью бы загрызла обидчика, но понимала утопичность мечты – тот слишком высоко забрался. Неожиданно двери парадной распахнулись. Жертва сама вышла на крыльцо.

– К ноге! – ласково приказала она и потрепала по голове одичавшую старушку.

От такой выходки та потеряла агрессивную прыть и облобызала сапоги мужа-удочерителя.

Брачную ночь Герман Оттович решил не откладывать.

– Ну что, половинка моя, сольемся в единое целое?!

Перевозбужденный Пенис кряхтел, сопел, покрывался потом. Старушка, наоборот, не подавала признаков жизни. Впервые за много лет в нее вошла стрела Купидона, отчего бабка чувствовала себя погибшей от счастья. Она лежала в позе изображенного великим Леонардо человека и размышляла о переменах в судьбе: «Судя по фамилии, прибалт или немец. Буду теперь баронессой! Прислугу заведу…»

С утра старушку мутило. «Залетела! Залетела, безмозглая дура!» – ругала она свою неосмотрительность. Беременность, к счастью, длилась недолго. К субботе бесцеремонно взятая замуж бабка раздулась, а в воскресенье лопнула. Взрывной волной Германа Оттовича сбросило с кровати и слегка контузило. Очнулся он от чьих-то рыданий. Из развороченного чрева супруги выглядывал махонький старичок с нержавеющими зубами. Он с рёвом наматывал на руку осклизлые кишки. «Неужто стал отцом? – удивился Пенис. – Назову-ка я сынишку Анусом. Пусть помучается с мое. Страдания закаляют!» Вслух же сказал:

– У тебя хорошие корни, мой мальчик: глубоко в историю войдут. Хрен выдернешь!

Мертвую старуху Пенис выволок из дома и бросил на заднем дворе.

Через день после рождения Анус с печалью смотрел в окно. Хандрила и заливалась слезами осень, вороны и юркие синицы шустро клевали труп мамаши. «Жизнь – вещь бесполезная. Конец предрешен, смысла нет. Что делать? Жить себе в радость? А если и радости нет? Тогда, как в поговорке: хорошо, что у соседа корова сдохла. Еще лучше, если ее отравил ты!» – минорная думка щекотала извилины новорожденного старичка.

– О чем грустишь? – спросил его отец и тут же пожалел.

Отравленный мудростью сына, Пенис обмяк и испустил дух. Анус хотел похоронить его рядом с матерью, но папаша оказался неприподъемным. Пришлось сжечь его в камине. И на дровах экономия, и никаких внезапно объявившихся родственников. А те непременно объявятся, когда речь зайдет о дележе имущества.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.